

М.В. Гришкина
(Ижевск)

Природа и природопользование в ментальности удмуртского крестьянства*

В системе ценностей, от которых зависела жизнь удмуртского крестьянства, природная составляющая занимала первостепенное место. Становление ментальности как таковой началось с осмысления места человека в природе, с выделения его самого из состава структурирующегося в формирующемся сознании пространства.

В мифологизированной форме закреплялось осознание людьми своей особенности, своего отличия от дикого мира природы. Удмуртский миф рассказывает об отделении неба от земли: «...было время, когда небо находилось очень близко от земли. И во время молния люди клали свои подарки прямо на облака. Но одна женщина оскорбила небо (повесила на небеса грязные пеленки ребенка, по другому варианту – положила на облако оскверненный хлеб – М.Г.). И небо, обидевшись, ушло на недостижимую высоту. «Ужас объял людей от того, что не стало белого, как береста, и чистого, как снег, близкого неба»¹. В осмыслении этого имеющего громадное значение акта выделения человека из природного мира, который противопоставляется человеку в образе бога неба, мы наблюдаем удивительнейшие, почти буквальные совпадения в мифологии народов, отделенных друг от друга тысячами километров и разделенных океанами. В мифе одного из африканских народов мы находим тот же сюжет: старуха толкла в деревянной ступе ямс и своим тяжелым пестом несколько раз задела сидевшего рядом, на краю неба, Бога. В гнев Бог отодвинул небо от земли и ушел от людей. С той поры людям пришлось самим заботиться о себе, узнать смерть, испытать болезни и голод².

Человек осознавал себя неразрывной частью и одновременно «мерой» многих природных явлений и вещей. В основе системы измерения, сложившейся у удмуртов, как и у многих народов, находились части человеческого тела и элементарные его движения. К самым распространенным у удмуртов мерам длины относились шаг (вамыш), локоть (гырпум), пядь (вись), ладонь (кикур), маховая сажень (сыл, сул), косая сажень (сузьмон). За длину локтя брали расстояние от локтевого сустава до конца вытянутых пальцев, пяди – расстояние от ног до пальцев вытянутой руки³.

* Работа выполнена при финансовой поддержке программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

Осваивая окружающее пространство, крестьянин разделял его на две сферы: обжитая людьми территория и огромный, таинственный мир дикой природы. Успехи в хозяйствовании вели к расширению освоенного пространства. Природа должна была отступать перед человеком, который шаг за шагом вводил в хозяйственный оборот все новые и новые участки, используемые в качестве охотничьих угодий, пастбищ для скота, расширял пашню за счет леса. При этом мы сталкиваемся с очевидным и на первый взгляд плохо объяснимым парадоксом в ментальности удмуртского крестьянина. С одной стороны, в мифологизированном сознании удмурта срубить дерево было равноценно попытке убить живое существо. Заготовка леса для жилья и других хозяйственных построек, заселение новой избы у удмуртов, как и у других финно-угорских народов, еще в конце XIX в. обставлялась целым ритуалом, призванным умиловить души погубленных деревьев с тем, чтобы избежать их мести. Даже срубая одно-единственное дерево, удмурт непременно просил прощения у души дерева, ссылаясь при этом на настоятельную необходимость, на древность и традицию, заведенную не им, а отдаленными предками. В то же время «делая пашню», крестьяне выжигали деревья на огромных площадях.

Переход от присваивающего хозяйства к производящему недаром принято считать неолитической революцией. Для того, чтобы вести в лесной полосе земледельческое хозяйство в необходимых объемах, человек был вынужден совершать насилие над природой, сдирать естественный покров земли, раздирать ее поверхность царапающим орудием (мотыгой, бороной-суковаткой), а затем и пахущими орудиями (сохой, ральником, плугом). Первым способом «делания» пашни в лесной зоне была подсечно-огневая система. Думается, что земледелец благословил огонь не только потому, что не имел железной пилы и топора, облегчающих расчистку леса и рационализирующих использование древесины. В ментальности древнего земледельца действие огня не убивало дерево и его душу, а, напротив, возносило ее ввысь, к Богу. Любое жертвоприношение верховному богу Инмару совершалось с помощью огня. Таким образом, отвоєвая жизненное пространство, удмуртский крестьянин одновременно приносил умиловительную жертву Богу, поэтому считал вправе требовать его помощи в ведении земледелия и вызывал к нему в своих обращениях – куриськонах. «Посеянный в поле хлеб пусть зазеленеет, подобно зеленому луту. От комаров, мошек, червей избавьте! От всяких несчастий, от поветрий и злого дождя сохраните! Подобно землянике, клубнике чтобы налилось посеянное! Счастья просим, довольства просим, о Кылдысин! Три доли просим: одну долю для еды, одну долю для отдачи в казну и одну долю в запас. Теплый, тихий дождь дай! Мы просим, чтобы когда

выйдем с добрыми соседями и родными в поле, то, обернувшись назад, увидали бы сноп около снопа, кабан около кабана!...⁴ В этом обращении мы встречаемся не с униженной просьбой ничтожного существа, а с требованием труженика к всемогущим, но в то же время близким бога, олицетворяющим природу – сферу приложения его сил.

К возделываемой пашне удмуртские крестьяне относились как к живому существу, наделенному разумом, душой и магической силой. Это отношение закреплено в удмуртских обрядах, пословицах и поговорках, по которым земля нуждается в такой же любви, заботе и питании, как и первый помощник человека в земледельческом труде – лошадь. Во время магического ритуала проведения первой борозды (гырыны потон) пашню угощали лепешками, пивом, в первую борозду вместе с зерном бросали яйца – символ плодородия.

В представлениях удмуртов земля не могла быть предметом кровавых столкновений: споры по владению земельными участками и территориями должны решаться по возможности мирными средствами. Недаром в удмуртских преданиях столкновения между удмуртами и марийцами завершаются состязанием: право на владение левобережьем Вятки получают удмурты, так как удмуртский батыр пул кочку дальше, чем марийский.

Несмотря на первенствующую роль земледелия, удмуртские крестьяне продолжали проявлять заботу о сохранности охотничьих угодий – «путиков, канежников и колодников». Во многих челобитных отмечается, что вплоть до конца XVII в. в верховьях р. Чепцы – основной территории расселения северных удмуртов, оставались заповедные участки черного леса, в которых крестьяне не допускали обработки естественных половов и гарей, дабы не распутать дичь. Картину ведения рачительного комплексного хозяйства рисуют верхолапские удмурты в своем челобитье царю от 1699 г. «Владеют они, вотяки, ... и в прошлых де и в том 207 годех и в тех своих вотчинных в отяцких угодьях и в лесах распрятывали и расчищивали и ныне распрятывают, также и расчищивают, которые земли годны под пашню и под сенные покосы, и те земли у них роспаханы и расчищены, и многие жильем заселены, и в лесах и по рекам и по речкам звериные и птичьи и рыбные ловли, и бобровые гоны, и бортные угодья и канежники, и колодники заведены...»⁵

Эмпирический поиск рациональных методов обработки земли привел к формированию у удмуртов комбинированной системы земледелия, наиболее приспособленной к природно-климатическим условиям Приуралья. Она сочетала паровую зерновую систему с трехпольным, а иногда – с двухпольным севооборотом с элементами подсеки и залежи. Эта система была великолепным средством экономного и рационального использования неглубокого естествен-

ного плодородного слоя лесных подзолов при скудости удобрений. Этому же способствовала легкая удмуртская соха, рыхлившая землю на глубину 5–9 см и не переворачивавшая накопленный природой гумус. Сложившаяся система с периодическим забрасыванием части пашен для отдыха почти не нарушала природного баланса, но тем не менее обеспечивала крестьянство урожаем, достаточным не только для обеспечения собственных потребностей, но для снабжения районов русского Севера и даже для вывоза за рубеж.

Еще в начале XVIII в. удмурты рассматривали занимаемые территории как «искони вечные отяцкие родовые места, которые принадлежали их предкам: «прадедам, дедам и отцам» и должны по праву перейти к потомкам – «детям, внучатам, правнучатам». К этим выражениям они постоянно прибегают как к неопровержимому аргументу права собственности на землю в своих челобитных, направляемых к верховной и местной воеводской власти.

Однако эти воззрения удмуртских крестьян приходили в неприемлемое противоречие с точкой зрения власти. Все, что не было заселено и не распаханно, считалось представителями власти неосвоенной пустошью и щедрой рукой жаловалось пришельцам со стороны. Это обстоятельство вызывало сильное возмущение удмуртского мира. Четкое понимание того, что вокруг раскинуты отнюдь не «искони вечные родовые места», а государственная территория, являющаяся собственностью «царя и великого князя», пришлось внедрять в сознание удмуртского крестьянства на протяжении нескольких столетий. Правда, мысль о безусловной связи владения землей и необходимости уплаты за нее податей удалось внушить уже к XVII в. Документом, удостоверяющим право на владение комплексом угодий крестьянского двора, признавались данные последней по времени составления писцовой книги. После завершения генерального межевания, длившегося в Вятской губернии с 1804 по 1834 гг., с потерей всего, что не вошло в минимум, ограниченный 15 десятинами на ревизскую душу, удмурты окончательно осознали, что они не собственники, а лишь пользователи земли, которая волей власти может быть передана кому угодно: крупным вельможам, владельцам металлургических предприятий, чиновникам и т. д. Бережное, рачительное отношение к окружающей среде, которое было неотъемлемой чертой крестьянской ментальности, стало исподволь вытесняться равнодушием и даже хищническим истреблением казенных лесов и других природных богатств. Материалы уездных судов за первую половину XIX в. пестрят делами о незаконных порубках, пожарах, возникших вследствие небрежного обращения с огнем во время расчистки леса, когда «палы» производились не ранней весной, как было установлено обычным правом, а в сухое время года⁶. В итоге уже к концу первой половины XIX в. удмурты

начинают ощущать недостаток леса, особенно строевого. В общинах стала обязательной должность лесного старосты и смотрителя лесов, функцией которых было пресечение попыток покусения на казенные леса. Общины в зависимости от тяжести содеянного нарушителями вырабатывали соответствующие наказания⁷. Таким образом, ресурсосберегающая модель поведения, являвшаяся неотъемлемой чертой удмуртской ментальности, зачастую начинает срабатывать лишь под страхом наказания.

Примечания

¹ Мифы. Легенды и сказки удмуртского народа. Ижевск, 1986. С. 52.

² Иорданский В.Б. О едином ядре древних цивилизаций // Вопросы филологии, 1998. № 12. С. 37.

³ Удмурты: историко-этнографические очерки. Ижевск, 1993. С. 256–257.

⁴ Первухин Н.Г. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Вятка, 1888. Эскиз III. С. 21–22.

⁵ Документы по истории Удмуртии XV–XVII вв. Ижевск, 1958. С. 102, 151.

⁶ См., например: ЦГА УР. Ф. 126. Оп. 1. Д. 40. Л. 25 об., 27; Д. 37. Д. 263–264, 319 об.; 564 об., 566, 808–808 об.; Д. 44. Л. 331 об. – 332.

⁷ Верещагин Г.Е. Общинное землевладение у вотяков Сарапульского уезда // Собрание сочинений. Ижевск, 1998. Кн. 1. С. 121–122.

*Ю.В. Казанцева, С.П. Постников
(Екатеринбург)*

Театр в повседневной жизни уральцев (1920-е гг.)

В середине 1990-х гг. – начале XXI в. отечественная историография претерпела существенные качественные изменения. Это не только отказ от догматизма, плюрализм, новые методологические подходы, но и новые сферы исследовательского интереса. Одним из новых направлений стала социальная история, история повседневности, изучающая «серую обыденность», будни и праздники различных слоев населения в разные исторические периоды. В середине 90-х гг. XX в. в периодических изданиях стали появляться статьи на тему городской повседневности 1920–1930 гг. Заметным вкладом в изучение данной проблемы стала публикация материалов научной конференции «Российская повседневность 1921–1941 гг.»¹ В 2002 г. был выпущен содержательный сборник статей «Повседневность российской провинции: история, язык и пространство», а в 2003 г. опубликованы материалы конференции «Эпоха. Культура. Люди»².

Исследования, посвященные отдельным сторонам повседневной жизни, ведутся и на Урале. Крупным явлением в уральской историографии стала монография И.В. Нарского «Жизнь в катастрофе», где повседневная жизнь населения Урала в тяжелые годы революции, Гражданской войны и голода начала 20-х гг. получила